

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2020.3.105

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМЫ Н. И. ТРЯПКИНА «ГНЕЗДО МОИХ ОТЦОВ»

В. А. Редькин

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества

В статье рассматривается проблема жанрового своеобразия поэмы Н. И. Тряпкина «Гнездо моих отцов». Анализ произведения основывается на авторской концепции жанра как системы жанрообразующих признаков. Делается вывод о том, что «Гнездо моих отцов» – это большая реалистическая социально-философская поэма, развивающая традиции русского национального лиро-эпоса. Творчество Н. И. Тряпкина, в целом принадлежащего к конкретно-реалистическому стилевому течению русской поэзии второй половины XX в., опирается на глубокие традиции русской литературы и фольклора, жанровые традиции русской поэмы.

Ключевые слова: Н. И. Тряпкин, современная поэзия, стиль, поэма, жанр, фольклоризм, автобиографизм, философский подтекст, национальная картина мира.

Творчество Николая Тряпкина лежит в русле великой национальной традиции, идущей из глубины веков. Как классика русской поэзии XX столетия оценивали его В. Кожин, В. Котельников, Ю. Кузнецов, С. Куняев, В. Личутин, В. Бондаренко и мн. др. Тряпкин тесно связан с Тверской землей, тверскими корнями, но «опыт изучения тверской литературы свидетельствует о том, что в ней постоянно возникают интересные и значимые в том или ином отношении явления и она обладает определённой целостностью, самодостаточностью и вместе с тем органически вписывается в общероссийский литературный контекст» [1, с. 69].

Николай Тряпкин в поэме «Гнездо моих отцов» (1959–1967) уделяет значительное внимание проблеме жанра своего произведения, называя её «Одиссеей», то есть эпической поэмой («Итак, эпическая фея! / Начнём покуда не спеша. / Да будет наша Одиссея, / Как наше детство, хороша»), рассказом («Рассказ, читатель, поведём»), «сном исповедальным», «повестью печальной», виденьем и раздумьем («Иль то проходят, как виденья, / Раздумья матушки-земли?»), повестью и поэмой («И повесть кончилась уже. / И вот над нашею поэмой / На юг поплыли журавли»), преданием («И вновь для сладостных преданий...»). Он обобщает: «Здесь всё: и песни, и баллада» [5, с. 199]. Признаки всех этих жанровых определений можно обнаружить в поэме. Но если представить жанр

произведения как систему жанрообразующих признаков, то прежде всего следует сказать, что «Гнездо моих отцов» – это реалистическое лиро-эпическое произведение (хотя «в поэзии Тряпкина проявляются и романтические тенденции» [4, с. 261]).

Тряпкин воссоздаёт историю жизни родной деревни, характеризует множество образов односельчан и близких родственников. Поэт уделяет внимание крестьянскому быту, убогому наследию дореволюционных времен и вполне цивилизованному советскому времени: «В передней зале много света, / Зелёный фикус, белый тюль, / На полке – стопкою газеты, / (Хозяин, мол, с политпросветом, / А не какой-нибудь куркуль)» [5, с. 216].

Автор воссоздает картины крестьянского труда односельчан, и не только сельского. Не покладая рук работают женщины: «На кухне – мать за ткацкой снастью / Стучит, готовит полотно. / В руке у бабушки Настасьи / Жужжит, поёт веретено». И мужики не только пахари, но и мастеровые. Русский мужик труженик, как в поле, так и в ремесле: «И вот пошла, пошла работа / По целым дням, по всем ночам. / Во все рубанки и долота». Мастеровыми рисуются даже дети: «Угольник – в руки, гвозди – в кепку, / Зажим и пресс – на полный строй. / И стонут брусья под шерхебкой, / Визжит тесина под пилой» [Там же, с. 223].

И хотя извиняется поэт за свой православный календарь, не может он, оставаясь верным правде жизни, не вспомнить народные праздники, связанные с христианской традицией, по-своему преломленной народной стихией. Это можно воспринимать как поэтизацию своеобразной соборности. Так описывается празднование Егорьева дня [Там же, с. 224]. Тем не менее в поэме речь идёт о советском времени, и поэт не может умолчать о влиянии атеистической пропаганды.

На первый взгляд, пафос поэмы утверждающий. Автор поэтизирует малую родину, отчий дом в деревне Саблино, Тверскую землю. «Итак, читатель, мы у края / Той старины, что помню я. / Привет, земля моя тверская, / Деревня Саблино моя!» Поэт обращается к истории возникновения родной деревни.

Этот национальный мир в своей основе казался поэту «вечным и незблемым, как космос, как вселенная» [3, с. 63]: «И вечный ветер мирозданья / Над нашей улицей плывёт». Поэт обращается к своим истокам, ко времени своего детства. Это поэма памяти: «За грустным шорохом осоки / Звенят речные бубенцы... / Меня зовут мои истоки». Поэт с теплотой вспоминает своих предков.

Лирический герой максимально близок реальному автору, ибо поэма автобиографична, он помнит рассказы прадеда Семена о Крымской войне и отношении к крестьянам помещика при крепостном праве. Жизнь пращура стала основой личности поэта, основой его внутреннего мира на генетическом уровне. Прадед Семён «прожил сто четыре года – /

Глаза дедов, создатель рода, / Чьей жизнью смутно я живу». Прозвище Семёна и стало фамилией Николая Тряпкина: «Семён ходил к Москве и Твери / С возами всякого тряпья. / И с этих пор в мирские двери / Пошла фамилия моя...» [5, с. 203].

Лиризм поэме придают воспоминания о детстве, друзьях и забавах того времени, восприятие окружающего мира глазами ребенка. Автор поэтизирует среднерусскую природу, темы природы и детства сплетаются воедино. Поэт не может забыть «закаты в медленном сгоранье, / колосья в тихом созревании, / густой орешник за двором» и пролетающих «милых журавлей». При этом его сердечная глубокая любовь распространяется на всю серединную Русь, на бесконечно дорогую для него большую родину – великую Россию: «Люблю ржаную, полевую / Россию средней полосы». Тряпкин – поэт-державник. Родная страна для него высшая ценность: «Уходит всё – и жизнь, и слава, / Как сын от отчего крыльца. / И только ты, моя Держава, / Стоишь – и нет тебе конца» [Там же, с. 228]. Поэт выражает чувство благодарности родной земле. Отсюда рождается чувство долга и возникает публицистический пафос: «И жизнь прикажет: “Будь подвижник. Забудь про все – ты сын страны”» [Там же, с. 219].

И хотя поэт заявляет: «Я – лирик скромный у калитки, / А не эпический планёр» [Там же, с. 199], всё-таки в поэме доминирует не воспевание начало, а пафос социально-философский. В произведении заключен мощный эпический пласт, связанный с национально-историческим конфликтом эпохи. Пафос приобретает драматический, если не трагический, характер. Это связано со стремлением к личной зажиточной жизни, к богатству одной части крестьянства и с инертностью, непротивлением утопическим мечтаниям – другой.

Перед глазами читателя проходит жизнь деревни серединной Руси на протяжении всего XX века. Судьба русской деревни и является сюжетом произведения. Социальные проблемы решаются во вселенском, даже космическом масштабе. Этот масштаб передается в образах символически, через концепты вечности, неба, космоса: «И вот держу цветок лазурный / Пред ликом Вечности самой» [Там же, с. 230]. Все это делает поэму не бытописательной, а философской, в ней присутствует «глубокий философский подтекст, как и в творчестве Тряпкина в целом» [2, с. 81].

Главный вопрос, на который пытается ответить автор, таков: «Что привело к утрате родового гнезда, где жили и который обустроивали прежние поколения?»

Сквозным в поэме является мотив утраты отчего гнезда, чего не могли себе представить русские крестьяне даже в страшном сне. Гибель родового гнезда вначале рисуется символически. Ветер разрушает старую избенку:

И вдруг, взывавши за углом,
Как пьяный дылда, – хватать в охапку!
Схватил всё сразу, целиком –
Трубу, и сени, и закутки –
И заплясал, затормошил,
Гнилую крышу взбучил, взрыл,
Избёнку дёрнул, пхнул под грудки
И к боку новому скосил.
Избе вот-вот грозила крышка [5, с. 201].

Начало разрушительных тенденций – это тридцатый год и, конечно, страшные годы войны. Но причины гибели родного гнезда поэт видит не во внешних силах, коллективизации или фашистском нашествии. Они гораздо глубже. Размышляя о причинах гибели родового гнезда, поэт выдвигает несколько предположений. Одно из них – скарденность крестьянина-собственника: «Мужичья собственность... Не это ль / Село моё! Гнездо родное! / Ты в прах распалось, расползлось... / Когда братья сходились к бою – / Не там ли это началось?» [Там же, с. 204].

Поэт не идеализирует национальный характер, показывая, что в гибели родового гнезда виноваты не оторванные от народа власти, не темные русофобские силы, не внешняя агрессия фашистов, а эгоистические устремления самих крестьян. Борьба между собой самых близких, родных людей за кровное, своё рисуется как стихия, разрушающая веками сложившийся быт и души людей: «Из бычьих жил – ползла и пёрла / Мужичья собственность сама» [Там же, с. 204].

Крестьяне, как муравьи, строили свои дома и укрепляли своё хозяйство. Их поэт называет мурашами. Крестьянин-собственник, крестьянин-труженик с настороженностью относится ко всему, что ему несет новое время. От навязанных силой коммун и колхозов крестьяне идут «за счастьем в город, / Избрав позлачнее места».

Колхозы оказались Троей. Их ругали и поносили, но там было много светлого и многообещающего. Среди крестьян были и подвижники «новой жизни». В схватке «единоличной дрожжи» и приверженцев новой жизни первая победила. Злая сила, разрушающая душу крестьянина, исходила и от чинуш местной власти. Не это ли подточило приверженность крестьянина родной деревне? «Какой червяк, с какого плёва / Забрался в душу «мураша»?» – задает автор сакраментальный вопрос.

Жанр поэмы Тряпкина восходит к традициям Пушкина, Некрасова и Твардовского. Так, Твардовский в своих поэмах постоянно помнит, для кого он пишет, к кому обращается, а подчас и советуется со своим читателем. Это характерно и для Тряпкина. Читатель без труда обнаруживает в поэме аллюзии и реминисценции, связанные с «Евгением Онегиным» и поэмами А.С. Пушкина:

Читатель, знаю, улыбнётся
 И с хитрецей прищурит глаз:
 «Уж нам не Пушкину ль придётся
 Платить построчные в сей раз?
 Читатель-друг! Оно – пожалуй.
 И сам я вижу: да, грешон,
 И чуть смешон твой добрый малый
 В стихах на пушкинский фасон [Там же, с. 226].

Клятва друзей в поэме Тряпкина напоминает клятву друзей в поэме Твардовского «По праву памяти».

Поэт обращается, конечно же, и к фольклорным жанровым традициям. На основе народной фразеологии он разворачивает живой образ: «Своя рубашка одолела, / Своя рубашка, свой домок. / И так всё к телу припотело, / Что оторвать уже не мог» [Там же, с. 203].

Таким образом, поэма Николая Тряпкина «Гнездо моих отцов» – большая реалистическая социально-философская поэма, развивающая традиции русского национального лиро-эпоса.

Список литературы

1. Николаева С. Ю. Новые тенденции в поэтическом творчестве Николая Капитанова и Владимира Львова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 69–79.
2. Николаева С. Ю. Художественная философия Н.И. Тряпкина и Ю.П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 5. С. 71–81.
3. Редькин В. А. Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 3. С. 54–63.
4. Редькин В. А. Романтические тенденции в поэзии Николая Тряпкина // Мир романтизма. Том 19 (43) / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2018. С. 261–268.
5. Тряпкин Н. И. Звёздное время : избранные стихотворения. М.: Литературная Россия, 2018. 383 с.

GENRE ORIGINALITY OF N. I. TRYAPKIN'S POEM "THE NEST OF MY FATHERS"

V.A. Redkin

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article deals with the problem of genre originality of N. I. Tryapkin's poem "The nest of my fathers". The analysis of the work is based on the author's concept of genre as a system of genre-forming features. The conclusion is made

that “The nest of my fathers” is a large realistic socio-philosophical poem that develops the traditions of the Russian national lyric epic. N. Tryapkin’s works, in general, belonging to specifically-realistic style for Russian poetry of the second half of the XX century, based on deep traditions of Russian literature and folklore, genre traditions of Russian poems.

Keywords: *N. I. Tryapkin, modern poetry, style, poem, genre, folklore, autobiography, philosophical subtext, national picture of the world.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.